

В нашей новой рубрике друзья «Фомы» называют книги, о которых, кажется, почти все знают еще со школы, но которые непременно стоит перечитать.

Фёдор Достоевский • Братья Карамазовы

Стоит перечитать

Кинокритик, продюсер
Лев Карахан

Фото Владимира Ештокина

Книга, к которой постоянно возвращаюсь, — «Братья Карамазовы» Достоевского. Вся — в закладках. Читаю как «русскую Библию» — достаточно одного фрагмента, открытого по случаю, чтобы разом окунуться и ощутить литературную реальность в почти пугающей близости к собственному внутреннему опыту. Такова уникальная — только у Достоевского — безкомпромиссность, безоболочность героев при всей определенности характеров. Достоевский словно погружает то в одного, то в другого персонажа с такой неумолимой настойчивостью, что и в сладострастного злодея Смердякова можно угодить. Тем более — в Ивана с его муками обезбоженного ума или в Дмитрия с его эмоциональным полководьем, которое он и сам рад бы «сузить». Но потому и говорю — «Библия», — что, кажется, можно утонуть, а не тонешь. Есть у Достоевского «общий толк во всеобщей бестолочи», хоть и таится он «в частности и обособлении». Не случайно апостол Нафанаил, услышав впервые про Иисуса Христа, сказал: ... *из Назарета может ли быть что доброе?* Только от нас зависит — не проглядеть «сердцевину целого» — «положительно прекрасного» брата Алешу, который своим «светлым взором» даже князя Мышкина («недовоплощенного») превзошел. Невозможное — идеальный герой — оказалось у Достоевского в конце концов возможным. Конечно, на того, кто «ровен и ясен», смотреть нелегко. «Я твоего Алешу не понимаю, играй как знаешь», — сказал актеру Андрею Мягкову постановщик, наверное, лучшей экранизации романа Иван Пырьев. Но в том-то и дело, что смотреть и видеть — труд. Достоевский только помогает. Поэтому читаю и перечитываю. Чаще всего короткое — 2 странички — предисловие «от автора». Достоевский называет его «лишним», но это то самое лишнее, которое и есть «сердцевина целого».

Автор

Фёдор Михайлович Достоевский (1821–1881) — прозаик, критик, публицист.

История создания

Роман создавался в течение почти трех лет и печатался на страницах журнала «Русский вестник» (1879–1880).

Содержание романа было определено сильным впечатлением Достоевского от истории Дмитрия Ильинского, ложно обвиненного в убийстве собственного отца и заключенного в Омский острог, где «десять лет страдал в каторжной работе напрасно». История обвиненного была изложена Достоевским еще в «Записках из Мертвого дома», а позже фигура Ильинского стала прообразом мнимого отцеубийцы Дмитрия Карамазова. Работа над романом была прервана трагическим событием в семье писателя: в мае 1878 года умирает его трехлетний сын Алеша. Чтобы горе не сгубило Достоевского, его супруга Анна Григорьевна настаивает на том, чтобы муж поехал в монастырь под Калугой — Оптину пустынь. Там писатель встретился со старцем Амвросием, беседы с которым утешили Достоевского, и, вернувшись домой, он взялся за «Братьев Карамазовых». Произведение было окончено в ноябре 1880 года, издано в начале декабря и имело огромный успех.

О чем роман?

В романе автора интересует не только судьба отдельных героев («один брат — атеист. Отчаяние. Другой — весь фанатик. Третий — будущее поколение, живая сила, новые люди»), но и судьба общечеловеческая.

На почве детективного сюжета развивается серьезная социально-психологическая драма

о том, что «в мире все более и более угасает мысль о служении человечеству, о братстве и целостности людей» (мысль старца Зосимы). Именно Зосима усматривает в главных героях раздвоенность: одновременно и потребность в вере и правде, и «склонность ко лжи», карамазовщине — духовному разложению, богоборчеству, ложным истинам.

Каждый из трех братьев испытывает свою «правду» о Боге. Младший, Алеша, напоминающий житийного героя, — это тип праведника в мире, который в каждом человеке, даже в самом порочном, видит образ Божий. Его путь — путь служения Богу. В старшем, Дмитрии, уживаются как благородные порывы, так и низменные поступки. Однако он желает «собрать» себя, обрести цельность, поэтому он принимает несправедливый приговор в отцеубийстве со смирением. Средний же брат, Иван Карамазов, отрицает мир, созданный Богом. Он считает, что раз Бог допускает страдания невинных людей, то либо Он несправедлив, либо не всемогущ.

В романе ярко показаны, с одной стороны, трагедия людей, которые лишены веры и исповедуют нигилизм, а с другой — христианское подвижничество и потребность в Боге. Автор стремится обнаружить подлинную правду о спасении и устройении мира в мыслях старца Зосимы и Алеши — христиан, проповедующих идею всеобщего счастья и веру в Бога. Ад, по Достоевскому, — это неспособность любить и «страдание в том, что нельзя уже более любить». Путь к спасению же обнаруживается внутри каждого человека. Нужно принимать вину другого и любить его, как самого себя. ♣

Подготовила **Ася Занегина**

Интересные факты о романе

1. «Братья Карамазовы» — заключительный роман так называемого «великого пятикнижия Достоевского». В него также входят романы «Преступление и наказание», «Идиот», «Игрок» и «Бесы».
2. Достоевский скончался через два месяца после публикации этого своего — последнего — романа.
3. Действие романа разворачивается в вымышленном провинциальном Скотопригоньевске, который по описанию и достопримечательностям во многом отражает облик города Старая Русса, где Достоевский писал книгу.
4. Достоевский хотел написать продолжение романа, подробно рассказав дальнейшую историю Алеши Карамазова, где бы «появились бы почти все прежние герои, но уже через двадцать лет», но не успел осуществить задуманное.
5. Известное выражение «Если Бога нет, то все позволено», которое приписывается Достоевскому, как единая фраза отсутствует в романе. Однако эта мысль прекрасно иллюстрирует идейные взгляды Ивана Карамазова и является одной из определяющих в произведении. Интересно, что в таком виде она была взята французским философом Жан-Полем Сартром для описания одного из главных принципов его экзистенциальной философии.

Кадр из сериала «Братья Карамазовы», реж. Юрий Мороз, 2009

6. У героев романа существуют реальные прототипы. Например, одним из источников образа Ивана Карамазова стала фигура мыслителя Владимира Соловьева, чьи философско-религиозные взгляды были близки Достоевскому. Прообразами Зосимы стали иеромонах Амвросий Оптинский и святитель Тихон Задонский.
7. Для того чтобы ускорить работу над книгой, жена писателя Анна Григорьевна помогала супругу — стенографировала большую часть текста под диктовку Достоевского.

Что приснилось Алеше?

Отрывок из романа Федора Достоевского «Братья Карамазовы»

Отрывок из главы «Кана Галилейская», где описывается сон Алеши Карамазова во время чтения Евангелия над гробом старца Зосимы.

«...И не доставшу вино, глагола мати Иисусова к нему: вина не имут...» — слышалось Алеше.

«Ах да, я тут пропустил, а не хотел пропускать, я это место люблю: это Кана Галилейская, первое чудо... Ах, это чудо, ах, это милое чудо! Не горе, а радость людскую посетил Христос, в первый раз сотворяя чудо, радости людской помог... “Кто любит людей, тот и радость их любит...” Это повторял покойник поминутно, это одна из главнейших мыслей его была... Без радости жить нельзя, говорит Митя... Да, Митя... Все, что истинно

и прекрасно, всегда полно всепрощения — это опять-таки он говорил...»

«...Глагола ей Иисус: что есть мне и тебе, жено; не у прииде час мой. Глагола мати его слугам: еже аще глаголет вам, сотворите».

«Сотворите... Радость, радость каких-нибудь бедных, очень бедных людей... Уж конечно, бедных, коли даже на свадьбу вина не достало... Вон пишут историки, что около озера Генисаретского и во всех тех местах расселено было тогда самое беднейшее население, какое только можно вообразить... И знало же другое великое сердце другого великого существа, бывшего тут же, матери его, что не для одного лишь великого страшного подвига своего сошел он тогда, а что доступно сердцу его и простодушное немудрое веселие каких-нибудь темных, темных и нехитрых существ, ласково позвавших

Алеша Карамазов. Иллюстрация
Ильи Глазунова, 1982

его на убогий брак их. «Не пришел еще час мой», — он говорит с тихой улыбкой (непреренно улыбнулся ей кротко)... В самом деле, неужто для того, чтоб умножать вино на бедных свадьбах, сошел он на землю? А вот пошел же и сделал же по ее просьбе... Ах, он опять читает».

«...Глагола им Иисус: наполните водоносы воды, и наполниша их до верха.

И глагола им: почерпите ныне и принесите архитриклинови, и принесоша. Якоже вкуси архитриклин вина бывшего от воды, и не ведяше откуда есть: слуги же ведяху почерпшии воду: пригласи жениха архитриклин.

И глагола ему: всяк человек прежде доброе вино полагает, и егда упиются, тогда худшее: ты же соблюл еси доброе вино доселе».

«Но что это, что это? Почему раздвигается комната... Ах да... ведь это брак, свадьба... да, конечно. Вот и гости, вот и молодые сидят, и веселая толпа и... где же премудрый архитриклин? Но кто это? Кто? Опять раздвинулась комната... Кто встает там из-за большого стола? Как... И он здесь? Да ведь он во гробе... Но он и здесь... встал, увидел меня, идет сюда... Господи!..

Да, к нему, к нему подошел он, сухенький старичок, с мелкими морщинками на лице, радостный и тихо смеющийся. Гроба уж нет, и он в той же одежде, как и вчера сидел с ними, когда собрались к нему гости. Лицо все открытое, глаза сияют. Как же это, он, стало быть, тоже на пире, тоже званный на брак в Кане Галилейской...

— Тоже, милый, тоже зван, зван и призван, — раздается над ним тихий голос. — Зачем сюда схоронился, что не видать тебя... пойдем и ты к нам.

Голос его, голос старца Зосимы...

Да и как же не он, коль зовет? Старец приподнял Алешу рукой, тот поднялся с колен.

— Веселимся, — продолжает сухенький старичок, — пьем вино новое, вино радости новой, великой; видишь, сколько гостей? Вот и жених и невеста, вот и премудрый архитриклин, вино новое пробует. Чего дивишься на меня? Я луковку подал, вот и я здесь. И многие здесь только по луковке подали, по одной только маленькой луковке... Что наши дела? И ты, тихий, и ты, кроткий мой мальчик, и ты сегодня луковку сумел подать алчущей. Начинай, милый, начинай, кроткий, дело свое!.. А видишь ли Солнце наше, видишь ли ты Его?

— Боюсь... не смею глядеть... — прошептал Алеша.

— Не бойся Его. Страшен величием пред нами, ужасен высотой своею, но милостив бесконечно, нам из любви уподобился и веселится с нами, воду в вино превращает, чтобы не пресекалась радость гостей, новых гостей ждет, новых беспрерывно зовет и уже на веки веков. Вон и вино несут новое, видишь, сосуды несут...»

Что-то горело в сердце Алеши, что-то наполнило его вдруг до боли, слезы восторга рвались из души его... Он простер руки, вскрикнул и проснулся...

Опять гроб, отдельное окно и тихое, важное, раздельное чтение Евангелия. Но Алеша уже не слушал, что читают. Странно, он заснул на коленях, а теперь стоял на ногах, и вдруг, точно сорвавшись с места, тремя твердыми скорыми шагами подошел вплоть ко гробу. Даже задел плечом отца Паисия и не заметил того. Тот на мгновение поднял было на него глаза от книги, но тотчас же отвел их опять, поняв, что с юношей что-то случилось странное. Алеша глядел с полминуты на гроб, на закрытого, недвижимо, протянутого в гробу мертвеца, с иконой на груди и с куколем с восьмиконечным крестом на голове. Сейчас только он слышал голос его, и голос этот еще раздавался в его ушах. Он еще прислушивался, он ждал еще звуков... но вдруг, круто повернувшись, вышел из кельи.

Он не остановился и на крыльчке, но быстро сошел вниз. Полная восторгом душа его жаждала свободы, места, широты. Над ним широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих сияющих звезд. С зенита до горизонта двоился еще неясный Млечный Путь. Свежая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Белые башни и золотые главы собора сверкали на яхонтовом небе. Осенние роскошные цветы в клумбах около дома заснули до утра. Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною... Алеша стоял, смотрел и вдруг как подкошенный повергся на землю.

Он не знал, для чего обнимал ее, он не давал себе отчета, почему ему так неудержимо хотелось целовать ее, целовать ее всю, но он целовал ее плача, рыдая и обливая своими слезами, и исступленно клялся любить ее, любить во веки веков. «Облей землю слезами радости твоя и люби сии слезы твои...» — прозвенело в душе его. О чем плакал он? О, он плакал в восторге своем даже и об этих звездах, которые сияли ему из бездны, и «не стыдился исступления сего». Как будто нити ото всех этих бесчисленных миров Божиих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, «соприкасаясь мирам иным». Простить хотелось ему всех и за всё и просить прощения, о! не себе, а за всех, за всё и за вся, а «за меня и другие просят», — прозвенело опять в душе его. Но с каждым мгновением он чувствовал явно и как бы осязательно, как что-то твердое и незыблемое, как этот свод небесный, сходило в душу его. Какая-то как бы идея воцарялась в уме его — и уже на всю жизнь и на веки веков. Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом и сознал и почувствовал это вдруг, в ту же минуту своего восторга. И никогда, никогда не мог забыть Алеша во всю жизнь свою потом этой минуты. «Кто-то посетил мою душу в тот час», — говорил он потом с твердою верой в слова свои... Φ .

Заголовок дан редакцией